

ДОКЛАД ИГСО

Социально–трудовые конфликты и протестная активность в 2010 году

(по материалам исследования в рамках проекта «Развитие навыков разрешения социально–трудовых конфликтов и споров на основе мониторинга напряженных и конфликтогенных ситуаций в сфере социально–трудовых отношений у профсоюзных и социальных лидеров и активистов», осуществленного при поддержке Института проблем гражданского общества)

Экономический кризис неизменно затрудняет трудящимся защиту социально–трудовых прав, так как обуславливает неблагоприятное для наемных работников соотношение спроса и предложения на рынке труда, снимает проблему потери прибыли на предприятиях–банкротах и т.п. В этих условиях растет роль профсоюзов как агентов самоорганизации трудящихся и защитника их прав. Но одновременно для профсоюзов многократно усложняется задача мобилизации работников, становится менее эффективным практика давления на администрацию предприятий. Профсоюзам необходимо искать новые методы борьбы, новые аргументы для мобилизации трудя-

щихся, опробовать многообразные практики защиты трудовых прав. Эти задачи стимулируют организационные изменения в независимых профсоюзах, которые можно было наблюдать в 2009 – 2010 г.г.

Самым ярким событием профсоюзного движения в 2010 году стало объединение в мае 2010 года федерации независимых профсоюзов ВКТ и КТР. В сентябре 2010 года руководство ВКТ последнего состава выпустило обращение, в котором объявило о завершении процедуры ликвидации объединения профсоюзов Всероссийская конфедерация труда (ВКТ) и вхождения в Конфедерацию труда России (КТР). Два крупнейших российских альтернативных профсоюза объединились в один профсоюзный центр. «Наиболее представительные и ответственные членские организации ВКТ, составляющие гордость профсоюзного движения России, встали на учет в КТР, ряд других уже определились со своим членством в объединенной Конфедерации труда России или находятся в процессе принятия данного решения. Отдельные лидеры ряда отраслевых профсо-

юзом, неожиданно для нас, встали в жесткую оппозицию объединительным процессам и оказались за рамками объединенной Конфедерации. Все представительские возможности ВКТ на федеральном, международном уровне и в трехсторонних организациях сохранены. Сегодня они усиливают совокупный потенциал объединенной КТР. Сотрудники ВКТ влились в единую команду КТР, — говорится в обращении. (http://www.vkt.org.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=608).

Процесс реструктуризации и объединения на новых основаниях независимых профсоюзов продолжается. 20 сентября было объявлено о создании нового объединения — Союза профсоюзов России (СПР). Его учредителями выступили шесть профсоюзных организаций, а уже в ходе учредительного съезда в состав объединения вошло еще два профсоюза. Пресса называет СПР альтернативой ФНПР, но руководство вновь созданного профсоюзного объединения не принимает методов ФНПР, считая их устаревшими (<http://www.spr-union.ru/articles/a15.php>). Пока остается открытым вопрос о цели создания и реальной стратегии СПР. Время и реальная профсоюзная деятельность покажут, насколько вновь созданное объединение сможет отстаивать действительно независимую позицию, и как именно оно собирается включаться в профсоюзное движение, вести себя в социально-трудовых конфликтах. 18 сентября состоялся очередной съезд объединения профсоюзов «Защита Труда», среди главных решений которого: объединение с КТР и борьба за про-

грессивный Трудовой кодекс (<http://www.ikd.ru/node/14568>).

Организационные изменения и повседневная работа независимых профсоюзов в значительной степени отражают реальное содержание и динамику социальных отношений и конфликтов в России, чем деятельность ФНПР. Деятельность «официальных» профсоюзов, как показывает сопоставление профсоюзных событий с текущей социальной ситуацией, детерминируется в основном внутренними организационными потребностями и интересами. Объединительный процесс, развивающийся в независимых профсоюзах, их участие в акциях, не связанных непосредственно с ситуациями на предприятиях, направленных, например, против коммерциализации образования или повышения транспортных тарифов, говорит об их более адекватной включенности в формирующееся сегодня в России единое пространство социального протеста.

С началом экономического кризиса 2008 года внимание аналитиков и прессы часто обращалось к вопросу возможности протестных выступлений трудящихся в России. Забастовки и протесты на Западе заставляют задуматься, чем отличается ситуация в сфере социально-трудовых отношений и социального протеста в России, почему кризис не вызывает здесь масштабных и сколько-нибудь устойчивых протестных действий. Мониторинг социально-трудовых отношений, профсоюзной и социальной активности, осуществляемый Центром социального анализа ИГСО с 1 июня 2009 года, позволил сделать ряд обобщений и выводов

о характере социально–трудовых и социальных конфликтов в России.

Прежде всего, неправомерен вывод о полном отсутствии социального протеста в России. Мы можем говорить о том, что в России к настоящему моменту складывается потенциал и единое пространство социального протеста, несмотря на выраженную слабость протестной активности. Формированию общего пространства социального протеста в России способствуют в основном три фактора. Это, во–первых, произошедшее за последнее десятилетие накопление социального опыта, апробация различных практик защиты социальных и гражданских прав в меняющихся социально–экономических и политических условиях. Во–вторых, консолидирующий эффект кризиса социальной сферы, значимость которой очевидна для регионов и социальных групп, даже существенно отличающихся по социально–экономическим параметрам. В–третьих, постепенное закрепление за социальной политикой государства роли основного (и общего) «социального раздражителя». Консолидированный эффект экономического и социального кризиса, накопление опыта социально–трудовых и социальных конфликтов оказывают значительное влияние на процессы самоорганизации граждан, на появление новых социальных инициатив и движений, на стратегию, тактику и организационное строительство независимых профсоюзов.

Обозначим основные тенденции, выявленные во время мониторинга и анализа социально–трудовых отношений в России с 1 июля 2009 года по 25 октября 2010. Прежде всего, отчетливо обнаруживается **противоречие между системным характером социальных и**

социально–трудовых конфликтов, связанных с экономическим кризисом, и ситуативным, случайным характером предпринимаемых мер как со стороны работодателей, так и со стороны государства. Системный характер социальных конфликтов, связанных с экономическим кризисом, постоянно создает почву для возникновения напряженных ситуаций на разных предприятиях и вынуждает государство становиться посредником между трудящимся и собственниками. Такое посредничество, как правило, носит ситуативный, случайный характер. Власть реагирует импульсивно на самые заметные протесты. Реагирует обещаниями, вниманием и визитами первых лиц государства, показательными «порками» виновных (часто назначенных, то есть часто выбранных наугад). Системных антикризисных, особенно превентивных, мер не проводится. Эта тенденция может быть по праву названа основной характеристикой социально–трудовых отношений в России.

Наиболее показательной стала ситуация, сложившаяся вокруг взрыва на шахте «Распадская». Взрывы метана, произошедшие в ночь на 9 мая 2009 года на шахте «Распадская» в Кемеровской области, стали толчком к протестным выступлениям граждан. 11 мая на шахту прибыл Председатель Правительства Владимир Путин. Шахтеры проводили акцию протеста в Междуреченске Кемеровской области, где в результате взрывов на шахте «Распадская» погибли 66 человек. Как 15 мая передала «Русская служба новостей», горняки перекрыли железную дорогу на участке Новокузнецк — Абакан. На место прибыли сотрудники ОМОНа и пытались освободить железно–дорожные пути. В результате про–

тивостояния два человека получили травмы. Около 300 участников акции протеста требовали повышения заработной платы шахтерам и улучшения условий труда. Накануне на центральной площади Междуреченска прошел несанкционированный митинг. Его участники потребовали увеличить зарплату шахтеров, обеспечить социальные гарантии их семьям и соблюдать технику безопасности на шахтах.

Волнения в Междуреченске вынудили как региональные, так и федеральные власти обратить внимание на социально-экономические проблемы шахтеров, которые накопились задолго до взрыва. Это очень напоминает годичной давности ситуацию в Пикалево в Ленинградской области. Там также стихийный массовый протест заставил власти обратить внимание на кризисную ситуацию, которая сложилась и развивалась задолго до выступления граждан. Типичным оказалось, как подтвердил опыт подобных акций в других регионах, особенно в Междуреченске, и поведение всех участников конфликтов. Власти стремились погасить социальный взрыв, не предпринимая ничего для его предотвращения в будущем и, тем более, не осуществляя каких-либо мер по нормализации ситуации в городе. В свою очередь трудящиеся, добившись внимания власти, которая удовлетворила их «требования текущего момента», не создали механизмов контроля, не сформировали представительных структур, способных стимулировать позитивные преобразования в городе или хотя бы отслеживать выполнения обещаний федеральным и региональным руководством.

События в Междуреченске активизировали и официальные профсоюзы, которые в своем заявле-

нии от 19 мая категорически отрицали свою связь с Союзом жителей Кузбасса, развившим большую активность в сети Интернет, брали на себя обязательства отстаивать интересы шахтеров. В заявлении содержится также обращение к Председателю Правительства РФ «как гаранту Конституции РФ сделать все необходимое для обеспечения безопасности труда и достойной жизни шахтеров».

Необходимо отметить, что в связи с трагедией на «Распадской» вспоминали аварии на шахтах «Ульяновская» и «Юбилейная», произошедшие в 2007 году. После этих аварий звучали обещания руководства шахт пересмотреть заработную плату шахтеров, повысить долю оклада в заработной плате, реализовать комплекс мер по обеспечению безопасности труда. Однако многие владельцы и руководители шахт свои обещания не выполнили. Представители ФНПР с возмущением говорили об этом в своем обращении, забыв упомянуть, что в той ситуации не были созданы эффективные механизмы профсоюзного и рабочего контроля над действиями властей, руководства и собственников шахт. Не заявлялось о создании таких механизмов и после трагедии на «Распадской».

Тем временем Владимир Путин поддержал требования профсоюзов и трудовых коллективов. Он предложил собственникам и Росуглепрофу пересмотреть федеральное отраслевое соглашение, регламентировать систему оплаты труда, гарантирующую постоянную часть заработной платы горняков в размере не менее 70 %. Таким образом, подтвердился вывод, сделанный в предыдущих обзорах, о том, что эффект имеют только прямые обращения к власти. Причем, ско-

рее, именно к федеральной власти, а не к региональной. Причем наибольший эффект имеют обращения, принимающие форму массовых выступлений, громких и даже скандальных. ***Можно смело предположить, что общественный резонанс, внимание прессы и властей к событиям в Междуреченске вызвал не взрыв, не трагедия и не социально-экономические проблемы угольной отрасли сами по себе, а протестные выступления, не санкционированные и не организованные.***

В этих событиях проявился и бессистемный характер социальной политики российского правительства, и слабость механизмов самоорганизации и социального контроля, и бессилие официальных профсоюзов. Прежде всего, это наибольшая видимая эффективность акций стихийных, отчаянных и «громких», адресованных федеральной власти по сравнению с классическими формами борьбы за свои права – забастовками, митингами, пикетами и вообще акциями, направленными на привлечение к диалогу руководства предприятий и местных властей. Во-вторых, это стремление власти погасить социальный взрыв, а не решать социальные проблемы, не предпринимать превентивных социально-экономических мер. В-третьих, это отсутствие видимых результатов протестной активности в виде устойчиво действующих представительских структур, отслеживающих реализацию обещаний и стимулирующих позитивные преобразования на предприятии и в регионе.

Заметим, что незадолго до взрывов на «Распадской», привлекавших внимание СМИ, ответственности, руководства всех уровней, в Челябинске профсоюз горняков провел пикет возле офиса

«Русской медной компании». Более 50 работников отрасли требовали повышения зарплаты и прекращения административного давления на членов профсоюза ОАО «Александринская горнорудная компания» (АГРК). Председатель профкома АГРК Наталья Князькова дважды была уволена и оба раза сумела восстановиться на работе через суд, однако говорит, что давление со стороны руководства РМК по-прежнему продолжается: «Мы три года молчали, и это была наша ошибка. Кризис для наших работодателей стал поводом для невыполнения коллективного трудового договора, в итоге руководство попросту не хочет платить нам зарплату! 30 апреля в Североуральске (Свердловская область) у здания прокуратуры, прошел пикет шахтеров Североуральского бокситового рудника (СУБР, входит в «Объединенную компанию «Русал»). Горняки требовали отставки прокурора города Дмитрия Фамутдинова, который, по мнению пикетчиков, не принимает никаких мер по предотвращению дискриминационной политики руководства компании в отношении членов независимого профсоюза горняков (НПГР). В акции приняли участие 60 человек.

К слову, протесты работников СУБР продолжаются до сих пор. Так, например, 24 сентября члены Независимого профсоюза горняков (НПГ) СУБРа вышли на пикет против антипрофсоюзной политики администрации шахт. А 26 сентября шахтеры и жители Североуральска собрались на митинг за повышение пенсий (<http://www.ikd.ru/node/14649>). Эти протесты вызваны теми же проблемами, которые так активно обсуждаются в связи с событиями в Междуреченске: уровень заработной платы шахтеров и ее задержка, безопасность труда

на шахтах, давление на профсоюзных активистов. Но трагические события, произошедшие в мае в Кемеровской области, не стали стимулом к решению этих проблем. Более того, постоянные, но относительно спокойные протесты, не дающие «яркой картинки» в прессе и не пугающие потому местных властей, озабоченных своим реноме у центральной власти, не привлекают внимания ни местной, ни региональной, ни федеральной власти.

А ведь эти проблемы типичны сегодня для большинства предприятий и регионов России. Но внимание со стороны власти и общества такие выступления не привлекают, пока не становятся стихийными, массовыми, неуправляемыми. Ни руководство предприятий, ни их собственники, ни государство не готовы, таким образом, к конструктивному диалогу с гражданами, к последовательному и системному решению социальных проблем. Основная модель поведения и владельцев предприятий, и администраций, и власти всех уровней – игнорирование протестов (или – в определенных случаях – их подавление) и реакция на давление: мгновенное решение незначительных проблем и обещания решить все когда-нибудь.

Однако случайные, «отчаянные акции», распространившиеся с начала экономического кризиса, становятся заметно неэффективными. Временность и бессистемность мер, принимаемых «потревоженным» государством, приводит к тому, что конфликт в лучшем случае консервируется, но не исчерпывается.

Одновременно можно отметить уже упомянутое нами снижение эффективности традиционных методов профсоюзной борьбы. Забастовки, митин-

ги, профсоюзная деятельность по организации переговорного процесса являются сегодня неэффективными из-за низкого уровня социальной ответственности собственников и администраций предприятий, из-за отсутствия социально-ориентированной антикризисной стратегии и тактики у государства. Конкретная ситуация на предприятии, позиция собственника и руководства региона, даже случайное стечение обстоятельств могут быть не менее значимыми для исхода социально-трудового конфликта, чем массовость и организованность акции.

Именно поэтому все социально-трудовые конфликты, обозначившиеся в первом полугодии 2010 года, сохранили сегодня свою актуальность и продолжают развиваться в латентной или явной форме. Значительное, а порой и решающее влияние на развитие социально-трудового конфликта оказывают личностные характеристики участников, прежде всего – профсоюзных и социальных активистов и лидеров. Напряженность и содержание проблемы, различные социально-экономические характеристики предприятия и региона являются значимыми факторами возникновения и развития социально-трудового конфликта. Длительность, форма, содержание и исход конфликта сегодня зависят от субъективных факторов в большей степени, чем от вышперечисленных объективных факторов. Наличие сильного независимого профсоюза и его авторитетного, активного лидера, реакция администрации предприятия и региона формируют содержание и траекторию развития конфликта, являются определяющими факторами.

Доминирование субъективного фактора над объективным по степени влияния на интенсивность

и форму протекания социально-трудового конфликта становится наиболее заметной тенденцией развития социально-трудовых отношений современной России. Но это есть повторение и развитие наметившихся ранее тенденций, прежде всего, отмеченной неэффективности переговорного процесса. Личностный фактор в социально-трудовых конфликтах в России сохраняет свою значимость во многом потому, что **солидарность трудящихся разных предприятий и поддержку со стороны общественности нельзя назвать значительной и устойчивой**. Исключение может составить отчасти голодовка авиадиспетчеров, начатая в Ростове-на-Дону и поддержанная в конечном итоге в 56 регионах. Можно отметить также акцию в Самаре: «Остановить репрессии на Тиккуриле!». 27 апреля в Самаре возле офиса «Тиккурила — Колор» прошел пикет, посвященный репрессиям по отношению к профсоюзным активистам на предприятии ООО «Тиккурила Санкт-Петербург». Организатором пикета стала самарская группа Социалистического движения «Вперед», поддержавшая призыв межрегионального профсоюза работников автопрома (МПРА). Акция в Самаре — часть широкой кампании солидарности в защиту прав работников «Тиккурила», инициированной МПРА.

Необходимо отметить, что и в этом случае мы видим доминирование субъективного фактора — личные характеристики лидеров МПРА над объективными — социально-экономическими параметрами развития предприятия и региона. Даже такое экстремальное и общее для многих российских регионов обстоятельство этого лета, как необычайная жара, становилось фактором социально-трудовых конфлик-

тов в основном тогда, когда находились субъекты конфликта — профсоюзные лидеры и активисты, готовые отстаивать права трудящихся. Так, несмотря на случаи смерти на производстве из-за ненормальных условий труда, связанных с аномальной жарой, профком Автосельхозмаш ОАО «АВТОВАЗ», официально признанный администрацией завода стороной в трудовых отношениях, оставался пассивным, считая, что нужно продолжать работать как работали, не сокращая рабочий день, хотя такая норма в Трудовом кодексе есть. Вопрос же о компенсации за несоблюдение надлежащих условий труда, по мнению официального профсоюза, можно решить попозже. Но 2 августа, в цехе производства технологического оборудования (ПТО) ОАО «АвтоВАЗ» с 7ч.00м. работники отказались от работы из-за жары. Бастующих было около 300 человек. Причиной стал приказ о том, что работники, занятые на производстве автомобиля, отпускаются домой на неделю за 2/3 средней зарплаты, а остальные будут работать независимо от температуры. Профсоюзный комитет «Единство» (МПРА) поддержал рабочих и призывал работников ОАО «АВТОВАЗ» воспользоваться правом, предусмотренным ст. 379 ТК РФ, отказываясь от работы в условиях, угрожающих их жизни и здоровью. (<http://mprainfo/content/rabochiie-nie-khotiat-umirat-ot-zhary-na-avtovazie-prodolzhaetsiaktsiia-protiesta>). Массовые отказы от работы из-за жары и из-за несоблюдения администрацией предприятия норм ТК РФ, соответствующих ситуации, были стимулированы первичными организациями МПРА и на других предприятиях, например, «Ниссан Мэнүфэкчүринг Рус» и ЗАО «Фестальпине Ар-

када Профиль» (70% — члены профсоюза МПРА).

Отметим, что есть положительные примеры самоорганизации трудящихся. Например, борьба рабочих предприятия «Томский подшипник», АвтоВаз, «Тиккурила» демонстрируют не только влияние личности лидеров на развитие социально-трудового конфликта, но и способность работников к самоорганизации для защиты собственных прав. **Однако личностный, субъективный фактор способствует такой интенсификации, при которой меняется качество отношений трудового коллектива с работодателем.** Из случайного и ситуационного конфликт становится постоянным и принципиальным (например, ситуация на заводе «Форд–Всеволожск»), развивается, пусть трудно и нелегально, переговорный процесс между работниками и администрацией без посредничества государства, работники выдвигают требования, связанные не с чрезвычайной и отчаянной ситуацией, а с представлением о социальной справедливости и социально-трудовых правах.

Таким образом, **социально-трудовые отношения и конфликты имеют ярко выраженный субъективистский, лидерский характер. Вероятность возникновения и развития трудового конфликта на предприятии при прочих равных условиях определяется наличием активной первичной организации независимого профсоюза с авторитетными активистами и лидерами. Конкретное же содержание конфликта, его исход и информационная значимость практически полностью определяется личностными характеристиками сторон.**

В качестве положительной тенденции, сформировавшейся в пе-

риод экономического кризиса, можно отметить освоение профсоюзами судебной практики. Как сообщается, например, на сайте МПРА, защита коллективных прав через забастовки трансформировалась в практику защиты прав отдельных работников через суды. Через суд профсоюзы добиваются восстановления уволенных работников, выплаты заработной платы и положенных компенсаций. Через суд же доказывают законность забастовки, проведение которой осложнено действующим трудовым кодексом. Практика судебных исков и переговоров необходима в условиях кризиса, при объективном сокращении рабочих мест, сокращении производства, банкротстве предприятий.

Эту тенденцию можно назвать, безусловно, положительной и перспективной еще и потому, что она уравнивает отмеченный нами лидерский характер социальных протестов в России, дефицит солидарности и низкую эффективность переговорного процесса в ситуации социально-трудовых конфликтов.

Развитие профсоюзной практики судебной защиты важно и потому, что лидерский характер профсоюзной и социальной активности способствует распространению практики, при которой администрации предприятия или региона легче и надежнее избавиться от наиболее активных и авторитетных деятелей профсоюзов, чем вести переговоры и удовлетворять требования трудящихся. К сожалению, успешность или хотя бы возможность (например, создание «информационного шума») защиты активистов и лидеров первичных профсоюзных организаций в ситуации давления почти целиком и полностью зависит от

лидерских качеств и позиции центрального руководства профсоюза.

В качестве примера можно привести давление со стороны администрации на председателя первичной профсоюзной организации ООО «Тагро» Дениса Литвинова или председателя первичной профсоюзной организации «Форесия Аутомотив» Андрея Ляшко. Главный защитник профлидеров в этой ситуации – профсоюз МПРА, а не рабочие тех предприятий, на которых они возглавляли первичную профсоюзную организацию. Практика давления на профсоюзных активистов и лидеров остается чрезвычайно распространенной в российских социально–трудовых отношениях. Один из самых трагических примеров – судьба Валентина Урусова, председателя комитета профсоюза «Профсвобода» на горнообогатительном комбинате в поселке, отбывающего наказание по ложному обвинению. Можно вспомнить также преследование председателя профсоюза завода Центросвармаш Дмитрия Кожнева, лидера профсоюза «General Motors» Евгения Иванова, чье увольнение, правда, было признано судом незаконным. Несмотря на отдельные успехи защиты профсоюзных лидеров и активистов от незаконных увольнений и преследований, очевидно, что **тенденция использования администрацией и собственниками предприятий, местными и региональными руководителями давления на профсоюзных лидеров и активистов в качестве инструмента «разрешения» социального трудового конфликта будет сохраняться до тех пор, пока «лидерский», субъективистский характер социального протеста не сменится солидарным.**

Говоря о формировании и развитии общего пространства со-

циального протеста в современной России, нужно отметить консолидирующее влияние на развитие социального протеста социального кризиса, который развивается вслед за экономическим. Немаловажно и то, что социальный кризис в России питается из двух источников – собственно экономического кризиса, приводящий к сокращению региональных бюджетов и федеральных средств, выделяемых на финансирование социальной сферы, и второй, действующий еще более радикально, – социальные реформы, проводимые российским правительством. Консолидирующий характер социального кризиса как фактора социального процесса объясняется, во–первых, единством и одинаковой (по крайней мере, сравнимой) остротой вызываемых им социальных проблем для различных регионов и социальных слоев. Во–вторых, все больше в общественном сознании складывается представление о социальных реформах правительства как об основной причине кризиса социальной сферы. Это делает правительство и государство в глазах все большего числа людей общим источником социального кризиса. Исключительная важность социального кризиса для формирования единого поля социального протеста в России объясняется еще и отмеченной выше неэффективностью традиционных форм разрешения социально–трудовых конфликтов, их консервация и латентное развитие способствуют сохранению социальной напряженности в регионе. В такой ситуации проблемы социальной сферы воспринимаются трудящимися особенно болезненно и остро.

Тенденция объединения трудящихся проблемных предпри-

ятий региона, консолидация жителей города вокруг социально значимых проблем, намеченная в первом квартале 2010 года сохраняется весь год, хотя остается слабой и неуверенной. Она пока не привела к возникновению устойчивых объединений профсоюзов и социальных движений вокруг социально значимых проблем. Однако необходимо отметить значительный рост внимания профсоюзов к социальным проблемам, не связанным непосредственно с судьбой предприятий. В первую очередь это – тарифы ЖКХ. Профсоюзы работников социальной сферы выражают беспокойство по поводу новых принципов управления бюджетными учреждениями и новых принципов оплаты труда.

Заметен рост протестов граждан против реформ социальной сферы. Возникают (в основном временные) объединения людей, заинтересованных в развитии того или иного сектора социальной сферы. Так, учащаются выступления родителей, обеспокоенных ситуацией в сфере дополнительного и среднего образования. Такие акции проходили в этом году в Москве, Санкт-Петербурге, в Новосибирской, Воронежской, Иркутской, Саратовской областях, в Приморском крае. В Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске такие акции проходили неоднократно.

Учащаются акции, направленные против инициатив федеральных, региональных и местных властей в социальной сфере. Можно отметить как протестные акции общего характера, привлекающие внимание государства и общества к ситуации в сфере образования, здравоохранения, гражданских прав и т.п., так и выступления, связанные с локальными событиями – закрытие школ или больниц,

решение региональных властей об изменении транспортных тарифов и прочее.

Так, в Красноярске прошел пикет против реформ социальной сферы, в Элисте (Башкортостан) состоялись пикеты против принятия региональной властью закона о монетизации льгот, в Калининграде состоялся митинг, собравший около 2000 человек под лозунгом «Вернуть выборы губернаторов!». В Барнауле 7 сентября прошел пикет против коммерциализации бюджетной сферы. Акции проводили «Гражданская инициатива за бесплатное среднее образование на Алтае», «Российский союз родителей», «ООД Всероссийское родительское собрание» и ряд других общественных объединений против коммерциализации бюджетной сферы и бюджетной реформы. 16 октября в Сыктывкаре (РК) состоялся пикет против разрушения здравоохранения республики, пикет проходил напротив республиканского Министерства здравоохранения. 18 октября в Калининграде был организован пикет против коммерциализации образования. Аналогичные акции, связанные с недовольством граждан состоянием социальной сферы, прошли и в ряде других регионов России.

31 августа в Москве, Санкт-Петербурге, в Новосибирской, Ростовской и ряде других областей состоялись пикеты в защиту конституционных прав граждан России, в частности свободы слова, собраний и т.п. В акциях участвовало от 20 до 1000 человек. 1 сентября был организован протестный день знаний, который прошел в Москве, Новосибирске, Приморском крае. Этот день стал подготовительным этапом к общероссийскому дню единых действий против реформы образования, кото-

рый прошел 25 сентября в ряде регионов России. Так, например, 25 сентября в Саратове состоялась акция с требованием отмены закона № 83–ФЗ от 8 мая 2010 года («О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений»). Был выставлен пикет с плакатами: «Будущее России: страна больных невежд», «Платное образование, культура, спорт ... Дальше воздух?», «Платная культура — гибель нации!», «Гагарин учился бесплатно!», «Платные школы — кастовое образование!» 25 сентября во Владивостоке прошел полуторачасовой пикет в рамках Дня единых действий против реформы образования (<http://www.ikd.ru/node?page=19>).

Профсоюзы не обошли вниманием это событие. Так, группа активистов МПРА приняла участие во всероссийской акции протеста против неолиберальной реформы образования. 12 сентября в ряде регионов (например, в г. Москва, Пензенской области, республике Башкортостан) был организован День гнева. Акции под единым названием не имели единого лозунга, например, в Санкт-Петербурге главным поводом стал закон ФЗ–83, в Москве – требование отставки мэра Москвы.

Наряду с ситуацией в сфере образования наиболее болезненной проблемой для граждан России является рост тарифов ЖКХ. Акции, посвященные этой теме, в течение 2010 года проходили в Москве, Уфе, Архангельске, Тюмени, Ангарске (Иркутская область), в поселке Солнечный (Сургутского района Тюменской области), в поселке Листвянке (Иркутская область), Алтайском крае, Пензен-

ской области, Саранске (Мордовия) и ряде других регионов и населенных пунктов. В Москве, Тюменской области, Санкт-Петербурге, Архангельске такие акции проводились в течение квартала неоднократно.

Протесты общего содержания, в том числе и акции против реформ в социальной сфере, немногочисленны и неструктурированы, однако они постоянно происходят в разных регионах России. У них есть объединяющая идея – это попытки остановить разрушение социальной сферы, сокращение социальных прав и гарантий. Объединению различных протестов такого типа и их расширению мешают, на наш взгляд, три фактора:

Отсутствие четко сформулированной концепции развития социальной сферы, которая могла бы удовлетворить и объединить различные социальные группы.

Отсутствие лидеров – личностей и организаций – способных предложить такую концепцию и методы ее реализации.

Вмешательство в протесты против реформ социальной сферы, возникающие стихийно, политических партий, стремящихся не столько помочь протестующим, сколько приумножить собственный политический капитал.

И вот своего рода **консолидирующим фактором выступлений против проводимых правительством реформ социальной сферы стал закон ФЗ–83**, закрепляющий изменения и дополнения более чем к 20–ти законам, регулирующим отношения государства и бюджетной сферы. Этот закон почти единодушно воспринимается населением как закон об отмене бесплатного образования и здравоохранения, закон о коммерциализации бюджетной сферы. У противников правительственных социальных реформ, у граждан,

обеспокоенных ситуаций в социальной сфере, у работников образования, родителей учащихся возникли различные претензии к системе образования, здравоохранения и т.п., сложились собственные представления о необходимых преобразованиях в этих сферах, сформировалось собственное видение перспектив развития различных отраслей социальной сферы. **Многообразие подходов не создавало почву для конструктивного объединения. Теперь у всех противников социальных реформ, проводимых государством, появился общий объект возмущения – ФЗ–83.** Складывается и общая цель протеста – заблокировать применение или добиться отмены этого закона. Намечается (стихийно – гражданами или организовано – социальными активистами) тактика протеста: анализ содержания и прогнозирования последствий закона, максимальное распространение информации о нем, развитие кампании протеста.

Акции против коммерциализации социальной сферы получили, таким образом, конкретное содержание – они стали в большинстве случаев акциями против закона ФЗ–83. В рассматриваемый период протесты против этого закона были организованы в Перми, Новосибирске, Москве, Саратове, Санкт–Петербурге, Ярославле, Архангельске, Самаре, Хабаровске, и других городах.

Рост интенсивности протестных акций, связанных с ситуацией в социальной сфере, свидетельствует об осознании значительным числом граждан России негативных процессов в жизненно важных для них отраслях: здравоохранении, ЖКХ, общественном транспорте, образовании.

Можно предположить, что тенденция роста значимости ситуации в социальной сфере как своего рода социального раздражителя со-

хранится и разовьется в следующем году. Социальный кризис, в отличие от экономического, по крайней мере, в его проявлениях на отдельных предприятиях, не позволяет государству выступать в роли третьей стороны, как в социально–трудовых конфликтах. В конфликте трудящихся и администрации предприятия или региона государство могло выступать посредником, инициируя временные меры по снятию социальной напряженности, не будучи ее непосредственным виновником. Ареол третейского судьи и «заступника» невозможно сохранить, выступая инициатором принятия законов, которые население однозначно воспринимает как антисоциальные. Ситуация в социальной сфере увеличивает протестный потенциал российского общества эффективней и интенсивней, чем даже экономический кризис и распространение трудовых конфликтов. Правда и здесь конкретные формы реализации потенциала социального протеста во многом зависят от субъективного фактора, хотя социальные проблемы уже стимулировали самоорганизацию граждан, способствовали появлению новых движений и организаций.

К концу текущего года **дифференциация форм и интенсивности протеста по регионам, отмечаемая еще в первом квартале 2010 года, значительно уменьшилась. Можно утверждать, что постепенно складывается общее пространство социальной активности и социального протеста – общее по целям и методам их достижения. Формируются общие модели поведения участников социально–трудовых отношений, типы реакций властей на те или иные формы протестной активности, модели действий региональных и федеральных властей,**

наемных работников, граждан и общественности. Постепенно возникает единый социальный опыт, в котором формируются общие цели и модели действий. Возникают социальные практики, связанные не с обращением к государству за поддержкой, а с сопротивлением собственному государственному инициативам. Можно предположить, что сохранение сегодняшнего подхода к социальной политике, к содержанию, характеру и методам осуществления антикризисных мер будет способствовать укреплению и развитию намеченных тенденций.

Любопытно, что, несмотря на экстремальный характер минув-

шего лета, не столько он, сколько уже ранее сложившиеся тенденции, оформляясь и конкретизируясь адекватно новым обстоятельствам и событиям, продолжают формировать протестное пространство России. **Дальнейшее развитие социально-трудовых и социальных конфликтов будет зависеть, прежде всего, от того, как, когда и каким образом их лидерский характер сменится солидарным и насколько далеко государство готово зайти в реформировании социальной сферы, вызывающем недовольство населения.**